А.С.Елеонская

СОЦИАЛЬНО-УТОПИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ ХУП ВЕКА
("О милости: и кии просящих достойни суть милости и кии же ни")

Обширное сочинение Евфимия Чудовского почти не привлекало внимания исследователей. Однако благодаря гуманистической направленности, а также незаурядным литературным достоинствам, оно является, как отмечал еще В.Певницкий, "замечательным памятником, делающим честь" не только писателю, но "и всему веку" [I].

Произведение известно в ряде списков конца ХУП в. Два из них находятся среди проповедей Епифания Славинецкого: в Киевском сборнике, описанном В.Певницким, который ошибочно атрибутировал текст Епифанию Славинецкому [2], а также в сборнике Исторического музея, не отмеченном в научной литературе [3]. Третий список [4] был упомянут А.Горским и К.Невоструевым при описании сборника из Синодальной библиотеки [5]. Сборник интересен тем, что здесь находятся также переводы патристических "слов", сделанные Евфимием, и "Житие Федора Ртищева", которое приписывается ему некоторыми исследователями [6]. Еще один список находится в составе сборника конца ХУП в., наряду со статьями из Физиолога, выдержками их Хронографа и другими сочинениями. Трактат "О милости" писан здесь от начала до конца почерком Евфимия и имеет его же исправления [7].

Предположение об авторстве Евфимия было высказано первоначально А.Горским и К.Невоструевым (с.46), а затем подтверждено С.Брайловским, опубликовавшим текст памятника в 1894 г. [8]. Думается, что можно согласиться с датировкой А.Горского и К.Невоструева, относивших произведение к 70-м - 80-м гг. ХУП в. (с.246-250), когда в свя-

зи с усилением нищенства появились проект о "гошпиталях", патриаршие распоряжения (1673), царский указ о мнимых нищих (1682). Их обсуждение современниками отмечает сам Евфимий: "Многое у нас о сем разглаголство, еже каko уставити и определити о сем" [9].

Приведенным данным не противоречат и особенности рукописей. Например, состав сборников № 716 и № 483 (П-964) убеждает в том, что они не могли быть составлены ранее 1675 г., когда умер митрополит Павел, которому посвящено здесь надгробное слово, написанное в том же году Симеоном Полоцким, о чем последний сам свидетельствует в черновом списке "Вечери душевной" [10]. При этом "слово" приведено здесь в первой редакции, распространявшейся в основном до выхода в свет "Вечери душевной" (1683), где произведение напечатано в переделанном виде.

С. Брайловский определил жанр сочинения Евфимия как "слово" [11], а И.П. Еремин назвал его "целой гомилетической трилогией" [12]. Для такого наименования есть все данные, т.к. памятник имеет отчетливо выраженную ораторскую форму. Оно построено на обращениях то к слушателям в целом, то к одному из них. Как бы стремясь приблизиться к ним, автор упоминает и самого себя: постоянны формы "мы", "нас", "с нами" и т.д. Это чисто риторическая фигура обращения.

В соответствии с эстетикой барочной проповеди слово "О милости" начинается "темой" ("Будете убо щедри, якоже и отец ваш щедр есть") [13]. Однако в остальном оно мало имеет общего с хитросплетениями представителей барокко, отличаясь простотой и ясностью стиля и художественной формы в целом.

Слово "О милости" четко делится на три части. Задача первой из них - показать, что такое милость, каково ее место среди иных "доброт", в чем ее значение для человека. "Ни единого более полезного зерна не можем мы на ниве сердец сеять, нежели призывать к милости",

- с пафосом начинает автор свое поучение, подчеркивая достоинство с помощью афористических сравнений: "Без милости вера яко ... древо без плода; надежда, яко наимник без труда; любовь, яко мати без детей; молитва, яко птица без крыл; пост, яко ядь без соли" (л.883).

Определив милость как "сердечное и умное движение и жаление над нуждею человеческою" (л.883 об.), Евфимий вместе с тем подчеркивает, что "движение сердца", возникшее из "жаления и сострадания", не должно быть "противно разуму и правде". Например, не следует подражать некоему библейскому персонажу, который оказал "бесчинное милование" преступнику и тем самым навлек беды и на себя и на других (л.884).

Евфимий настаивает на необходимости сострадания действенного: "Милость предлагаем делную". Особенно ценно, по его мнению, "ходатайство к мошнейшим человеком" (л.884 об.). "Делной милостью" является и подаяние. При этом не надо бояться "умаления имения", которое "яко вода в кладези": если ее не черпать, она "возсмердится и бывает непотребна, егда же емлется,-чистится, и иная вящшая натекает". И в доме скупца нет утешения, лежащие там "пенязи" лишь умножают его "смердящие грехи". Напротив, в открытом для других доме милостивого царят радость, божие благословение, этот дом наполнен "детми и внучаты" (л.890).

Евфимий обнадеживает своих слушателей, что, благодаря милостыне, облегчается участь "человекоубийц, прелюбодеев, предателей, крадежников", и в то же время предупреждает, что из-за "немилования" остаются в силе ранее "прощенные грехи" (л.888 об.-889).

Основным литературным приемом, с помощью которого Евфимий Чудовский строит в первой части свои доводы, является сравнение. Например, сравнение поясняет тезис о том, что творящий милость "образ божий в себе носит": это то же самое, если "сын отцу подобен родит-

ся" или когда "художника и разум его от дела и хитрости познаваем, аще и лица его не видим" (л.885). "Приуподобление" (терминология Евфимия) может быть предельно кратким: милостыня - "воня благовония", "жертва приятна" (л.893). Вместе с тем оно бывает развернуто в целую картину. Например, таково сравнение милостыни с малой платой за огромное состояние: "Аще бы царь великий согласился с тобою: Се тя до времене обогащу из благости моея, дая двесте села и двадесят грады, даждь едино сих село онму, ему же аз повелю, за сие же дам тебе на оная двести села вечность. К сему же и господина тя вящшым поставлю. Едва бы от таковаго соглашения убегал еси" (л.893 об.).

От общего взгляда на милость Евфимий Чудовский переходит к анализу явлений действительности, что подчеркнуто самим заголовком второй части: "О различии нужд человеческих, и кии первое достойни суть помоществования" (л.895 об.). "Бедство жизни" царит во всей вселенной, - констатирует писатель. Оно распространяется и на "великих"и на "малых", делая их существование скорбным. Однако, чтобы знать, "где первее руку простерти и кому прежде помощь подати", автор предлагает слушателям рассмотреть вместе с ним три категории граждан, особенно нуждающихся в помощи, или, как говорит он, - в "нищопиталище", понимая под последним и вспомоществование в целом и строительство специальных домов призрения.

Первыми он называет нуждающихся в "нищопиталище духовном". Это грешники, "окаяннострастные душею", пребывающие "во гресех смертных" и обреченные поэтому на смертные муки. Направить их на путь истинный - прямая обязанность каждого ("Обращайте,увещевайте, пасите, отверзайте слепых очи, да изведут из тмы на свет", л.896 об.). Но особенно велика роль духовенства, которому "по чину" и "должности" надлежит "души человеком назирать" (л.897 об.).

Ко второму "нищопиталищу" - "домовому" - относятся "вдовы, си-

роты, пришелцы,.. скудники, разными нуждами и случайми оскорблении". Это те люди, поясняет Евфимий, которые "просити стыдятся,.. по улицам не лежат". О их нуждах знают немногие. Их беды "болшия суть, нежели... по стогнам лежащих   и прошением питающихся (л.898 об.). Евфимий рисует картины тщательно скрываемой нищеты. Например, внезапная смерть кормильца резко меняет налаженную жизнь семьи. Вдова, "в долгах, с многими малыми детми", не знает, что о себе и "промыслить": "Дети хощут хлеба, рабы мзды, девицы одежди, сыны учения... заимодавцы истязуют долги и на суды повлачат" (л.899 об.).

Писатель скорбит об участи сирот ("птенцовранов"), глубоко сочувствует "возрастным девам", оставшимся "без вена, без обучения делу" (л.901), а иногда в силу трагических обстоятельств и "без чистоты" (л.903). Евфимий показывает также одинокую старость: еще совсем недавно вполне благополучный "домогосподин", но теперь обремененный "многими летми", всеми брошен. И, наконец, крайняя степень отчаяния: чтобы избавиться "от великия печали", потерявший все "во едину нощь", берет "вервь" и хочет себя "обвесити" (л.303 об.).

С особым сочувствием пишет Евфимий о бедствиях, выпадающих на долю людей труда. Катастрофой для семьи оборачивается болезнь хозяина-"рукодельника", особенно если он "руку изломит" (л.902 об.). Горька участь "убогого селянина": "Царь дани хощет, господин мыта, работати подобает, но нечим на всяк день оброку приобретати. О несказанная нищета!"(л.903). Отношение автора к униженным и оскорбленным выражено подбором ласкательных слов: "млада бедница", "любезные дети", "любимичи", "благообразная дева" и т.д. Побудительными возгласами и призывами Евфимий стремится вызвать сочувствие к несчастным и у своих слушателей: "посещай и насмотряй"; "взыщи таковый дом"; "посещай юзника и обрящеши невинно заключеннаго"; "помози и что мо-

жеши, приложи" и т.д.

Под "третьи нищопиталищем" подразумевается подаяние для собственно нищих - больных и калек, не способных себя пропитать. Евфимий подчеркивает при этом, что милостыня, безумно поданная "злому", творит обиду "благому": "злии просителе... достойных милости хлеб поядают" (л.906 об.). Примечательна одобрительная ссылка на "неверных махометан" и евреев, которым закон запрещает побираться (л.909 об.).

Выступая против мнимого нищенства, Евфимий рисует сатирические портреты попрошаек, не желающих жить своим трудом. "Вижду просителя здрава суща, не велми состарешася, ниже недужна, но еще могуща каковое дело имети". Как бы недоумевая по этому поводу, писатель задает вопрос: "Почто же имам греха его общник быти и леность его множити?" (л.907).

Среди нищих - гуляки, пропойцы, игроки в кости. Получив милостыню, таковой "абие идет на костырство или в блудилище или в корчму" (л.908 об.). Между "праздными тунеядцами" немало молодых здоровых женщин и девиц, "по стогнам бродящих". Многие из них ради промысла "чуждыя детища наймуют", а потом пьют и гуляют (л.907). Сатирически изображаются монахи, особенно "начальники монастырские". Игумены и экономы присваивают средства, выделенные на "врачевание старых и больных". Они "грабят злохитрственно... на свое сластопитание". В таких монастырях вольготно живется лишь тунеядцам-слугам, "своеугодникам" высших чинов. Что касается больных и одряхлевших, то они терпят "скудости и обиды", получают пищу "негодную, суровую и растленную", вынуждены идти на дорогу с протянутой рукой (л.907 об.).

Сатирико-обличительный аспект "слова" также находит выражение в лексических средствах языка. Автору "стыдно зрети" на "бесчинство", "злодейство", "празднство" попрошаек. Он именует их "тунеядца-

ми", "гуляками скитающимися", "леностными", "лживыми просителями"; "блудниками и пропойцами". Сочетание этой лексики с ласкательными выражениями по адресу бедняков создает повышенную экспрессивность стиля.

Живости изложения способствуют диалоги. Например, в размышление о нелегкой участи бедняков вплетается разговор между вдовой и пророком, сопровождаемый сочувственными авторскими ремарками (л.899 об.). Этот диалог играет важную роль в создании эмоционально-лирической тональности второй части. Иную функцию выполняет диалог между "младым просителем" и "неким", отказавшим ему в милостыне: "Вопроси его проситель: Чесого ради минуеши мя и милостини дати мне не хощеши? Отвеща ему: Никто же ти тако вящщее вреди, яко первое, давый тебе милостиню". Осуждающая позиция автора подчеркнута заключительной репликой: "Истинно тако есть" (л.907 об.).

Нарисовав картины подлинной бедности, с одной стороны, и откровенного тунеядства, с другой, Евфимий пытается найти выход из создавшегося положения. Его размышления и рекомендации, обращенные и к отдельному человеку и к обществу в целом, находят отражение в третьей части. Озаглавленная "О умном намерении и совершении милости", она содержит в себе проект помощи бедным, а по сути лучшего социального устройства. Обращаясь к слушателям, автор "советует им" и "просит их" создать в "граде сем", т.е. Москве, дома милости. Он подчеркивает, что имеет в виду прежде всего трудовой люд, а не профессиональных нищих. Чтобы выделить достойных и "отлучить" обманщиков, властям надлежит "исчислить" всех просителей. При этом число обитателей "нищопиталищ" определить "количеством доходов", которыми располагает приют, чтобы "излишество лиц" эти доходы не уменьшило (л.909). Евфимий не отвергает и частную помощь: если обеспеченным людям принимать хотя бы по одному бедняку в свой дом, то и в целом "велми мен-

ше их будет".

Писатель рисует идеальную картину общего единения. Он исходит из того, что человек по своему "естеству" - существо социальное. В отличие от животных, "иже... в лесах без всякия помощи питаются", человек не может жить без "клевретства" и "единства", не может "потреб своих един без втораго исправити" (л.910 об.). Невозможно без единения и дело милости. У одних ничего нет, другие имеют мало, третьи не знают, кому давать, четвертые "сожимают руку". Однако совокупив усилия, можно сделать многое: "Не имеяй пенязей, даст служение, даст молитву, даст совет; мало же нечто имеяй со иными сложився, и абие возрастет многая. Обилнейшему скажут инии: Зде обрати свою милость" (л.910 об.). "Общесложение" даст возможность определить обязанности каждого, сделать "разделение трудов", чтобы один "призирал" сирот и "поверженных младенцев" (т.е. подкидышей"), другой вдов, третий способствовал "хранению чистоты" девиц, четвертый посещал бы "недужных" и "юзников"(л.911).

Однако форма единения представляется Евфимию достаточно туманно. Он мечтает о некоем свободном "собрании", по типу существовавших в "древле греческом царстве и во Италийской стране". Здесь еженедельно будут слушать просителей "о нуждах человеческих" и обсуждать вопросы помощи. В "собрании" должны быть и свои "чины": первое право "рассуждати и уставляти" предоставляется десяти выборным мужам. "Любовно уставивше", они пошлют к нуждающимся "милостынодателя". Для иных, в частности, "вельми престарелых" и вдов с детьми, эта милостыня может быть до конца дней. Особо стыдливым оказывается помощь тайная, для чего избираются "четыре жены", поскольку женщины более отзывчивы, - "их милование есть вящшее " (лл.912-912 об.). "Собрание" должно иметь свой "филакион",.. сиречь хранилище пенязей на взаимодавство". Этот денежный фонд создается пожертвованиями и рас-

ходуется на предоставление средств в долг "без всякия лихвы" (л.913). Утопичность этих построений очевидна.

Третья часть произведения отличается приподнятостью стиля. Это поистине ораторская речь, произносимая от первого лица: "Знаем слушающих нас и иных к милости склонность"; "сетуем на безчиние, на скудость добрых дел"; "возвещаю, да весть кийждо"; "аз бых сие помышлял"; "прошу вы, послушайте мя" и т.д. Торжественность слога создается с помощью анафоры: "Инии да служат в нищопиталищи. Иниии да назирают недужныя. Инии странныя да приемлют. Инии казненных от судей телеса да погребают. Инии немощныя по стогнам да собирают" (л.911). Или: "Зде обрати твою милостиню, зде безбедно, зде тоя известный ковчег" (л.910 об.). Этой же цели служат повелительная форма с повторяющимся союзом "да": "Да будут слози таковыи или общесобрания"; "да ов поможет неколикии златицами"; "да будет брат твой с тобою" и т.д.

Особая тональность каждой части не противоречит идейно-художественному единству произведения в целом. Обращаясь к разным аспектам темы, автор не упускает из вида главную мысль и последовательно развивает ее на всем протяжении слова "О милости". Чтобы слушатель и читатель эту мысль не упустили, Евфимий помогает им воспринимать текст с помощью вступлений, заключений, переходов, а также плана, записанного на полях. В результате удается достигнуть обозримости материала и стройности архитектоники.

Например, после упоминания о "бедстве жизни" на земле оратор фиксирует мысль на вопросах, которые он будет развивать дальше: "Разделим на три нищопиталища, да удобно возможем познати нужды человеков" (л.895 об.). В конце разговора о "втором нищопиталище" он как бы подводит итог: "Заключая вторую сию часть о сем домовом нищопиталищи, кийждо добре зрети может коль тяжки суть нужди" (л.904).

Вступление к третьей части переключает внимание с одной темы на другую: "Познавше убо святыя милостыни спасителное помощество и полэы, узревше в разности нужду человеческую,.. потщимся на совершение и исполнение ея" (л.910). Имеются переходы от одного доказательства к другому: "Оставляюще иная подуказания, сие речем" (л.910).

Подзаголовки, членящие "слово" на множество смысловых частей, и служащие путеводителем, выражены как назывными, так и обычными предложениями, но они всегда кратки и ясны: "Рукоделницы немощнии" (л.902 об.); "Погоревшии" (л.903); "Погубление чистоты ради нищеты" (л.903); "Полза от убогих и немощных просителей" (л.905 об.); "Не всякому просящему должно милостиню даяти" (л.906); "Гуляки скитающиися умножилися" (л.907); "Числение нищих по доходам нищопиталищ" (л.909) и т.д. Эти вехи на полях предназначены уже читателю, так как вслух они, естественно, не произносятся.

Для лексики слова "О милости" в целом характерна известная затрудненность, которая создается обилием двухсоставных слов, представляющих кальки с греческого, в чем Евфимий следует за своим учителем Епифанием Славинецким. Здесь встречаются существительные: "великохитрость", "рукохудожество", "лекаромазатель", "благовременство", "всеприятелище", "делосовершение", "благоястие", "благополучение", "прощенnособрание", "святокрадство" и др. Прилагательные: "злохитрственный", "молчанноустроенный", "любостранный", "окаяннострастный" и др. Обилие этих слов создает нелоторимость стиля, но вместе с тем их несвойственность русскому языку очевидна.

Было высказано предположение, что слово "О милости" предназначалось для произнесения его вслух патриархом. Однако, если даже написание текста было для Евфимия социальным заказом, несомненна личная заинтересованность автора в самой проблеме. Доказательством служат другие его работы. Среди них, в частности, редакторская правка

"слов" Петра Скарги на сходную тему [14]. Изданные в составе книги последнего "Kazania przygodne" (1610) [15], они были переведены на русский язык, и переписаны русским писцом, предназначаясь, видимо, для печати [16]. Обширный (к тому же занимательный) материал о пользе милости привлек к себе внимание Евфимия, несмотря на его резко отрицательное отношение к католическим источникам.

Другая работа Евфимия в этом плане - перевод с греческого "слов" Григория Нисского и Василия Великого, также посвященных милосердию [17]. Призыв к милосердию - лейтмотив и "Жития Федора Ртищева", возможным автором которого, как уже отмечалось, является чудский инок. Здесь подчеркивается, что боярин Ртищев был очень милостив. Он выкупал пленных во время военного похода, построил больницу для изнемогших "от болезни и глада", сам навещал их. В "царствующем граде Москве" ему принадлежал "некий домец" для скитающихся, где "овогда 13 человек, а овогда и 15 человек питаше". Милостив был Федор и к своим поселянам [18].

В лице Евфимия Чудовского мы видим, таким образом, не только талантливого писателя, но и неординарного мыслителя конца ХУП в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Певницкий В. Епифаний Славинецкий, один из главных деятелей русской духовной литературы в ХУП веке // ТКДА. 1861. Кн.10. - С.136.

2 Там же.

3 ГИМ. Собр.Барсова № 459 (конца ХУП в., скоропись, в лист, филигрань "Герб Амстердама"). Л.158-191 об.

4 ГИМ. Синод.собр.№ 716 (в 4°, полуустав, переходящий в скоропись). Л.37-119.

[5] Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. - М., 1862. Отд.2. Прибавления. - С.246-250. Далее ссылки приводятся в тексте.

[6] Флоровский А. Чудовский инок Евфимий. Один из последних поборников "греческого учения" в Москве в конце ХУП века // Slavia. Praha. 1949. R. XIX Seš. 1-2. S.105.

[7] ГИМ. Синод.собр. № 483 (П-964). Л.889-915. См.: Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В.Горского и К.И.Невоструева) / Составила Т.Н.Протасьева. - М., 1973. Ч.П. №№ 820-1051. - С.84.

[8] Памятники древней письменности и искусства. - СПб., 1894. Т.СI.

[9] ГИМ. Синод.собр. № 483 (П-964). Л.906.

[10] ГИМ. Синод.собр. № 657. Л.632.

[11] Слово чудовского инока Евфимия о милости, сообщил С.Н.Брайловский // Памятники древней письменности и искусства. - СПб., 1894. Т.СI. - С.I-7.

[12] История русской литературы. - М.; Л., 1948. Т.П, ч.2: Литература 1590-1690 гг. - С.365.

[13] ГИМ. Синод. собр. № 483 (П-964). Л.883. Далее ссылки на листы по этому списку приводятся в тексте.

[14] См. подробнее: Елеонская А.С. "Слова" о милости в рукописном сборнике ХУП в. // Литература и искусство в системе культуры / Отв. ред. акад. Б.Б.Пиотровский. - М., 1988. - С.230-235.

[15] Kazania przygodne z inemi drobnicyszemi pracami o różnych rzeczach wszelakim stanom należących. I. Piotra Skargi societatis Jesu. Kraków, 1610.

I6 ГИМ. Синод. собр. № I202 (в 4°, украинская скоропись XУП в., филигрань "Щут с семью бубенцами"). См.: Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. - М., I859. Отд.2. - С.342-365.

I7 ГИМ. Синод.собр. № 7I6 (в 4°, полуустав, переходящий в скоропись, конца XУП в., на I73 л.). Л.I3 об., I4, I4 об.

I8 Там же. Л.88, 99, I3I.